

**Чешские земли и Словакия в столетия до Белогорской битвы.
(К истории отношений в области земледелия, ремесла, торговли и совместной
обороны.)**

Целью вышеприведенной статьи является решение некоторых вопросов о взаимоотношениях между чешскими землями и Словакией в 16 и в начале 17 вв. — на основании научно не использованных до сих пор источников. Авторы обращают внимание главным образом на установление экономико-социальных связей. Специалисты и более широкая общественность могут познакомиться с избранным в приложениях архивным материалом, важным с точки зрения истории и языкознания. Особое внимание авторы уделяли формированию чешско-словенских взаимоотношений в пограничной территории (восточная Моравия, область Тешин, западная Словакия), учитывая одновременно отношения между более отдаленными областями.

Вступительная статья разделяется на четыре главы.

1. Крупная земельная собственность и направление ее экономического развития.

В развитии крупных феодальных владений можно наблюдать многочисленные связи и сходства на всей территории средней Европы; однако развитие крупных феодальных владений в Моравии (или в области Тешин) находится в особенно тесной связи с развитием в Словакии. Одной из причин этой тесной связи является значительное переселение правящего класса, представители которого из чешских земель приобретают земельную собственность и высокие административные должности в Словакии и наоборот. (Статья приводит большое количество примеров.) Это переселение начинается с наступления Ягеллонов на венгерский престол, однако она еще больше увеличивается после 1526 г. Во взаимоотношениях между моравскими (или «тешинскими») и словенскими крупными владениями особенно важную роль сыграла так наз. «валашская колонизация», которая произошла и в Моравии и в Словакии. Можно также наблюдать определенное усвоение новых экономических приемов (напр. влияние словенского рыболовства в Моравии и т. д.), однако новые приемы в дальнейшем развиваются самостоятельно.

В то время как в Моравии (или в Области Тешин), так и в Словакии происходит переход от одних крупных владений, от которых феодал получает доход в форме натуральных или денежных плат подданных, к другим крупным владениям, от которых феодал получает доход преимущественно с собственного хозяйства, и к максимальному использованию крепостной рабочей силы. Этот процесс происходит быстрее в западной Словакии. Поэтому мы встречаемся с новыми и более жесткими формами феодальной эксплуатации раньше всего во владениях венгерско-словенских дворян, вводивших в Моравии западнословенскую практику. — В связи с укреплением феодального гнета появляется также переселение крепостных преимущественно из Словакии в Моравию, где на время не было такой жесткой эксплуатации; однако это переселение стало вполне массовой только в следующих десятилетиях 17 в.

В связи с развитием феодальных крупных владений следует понимать пограничные споры между Моравией, областью Тешин и Словакией: мотивы этих споров прежде всего экономические. Они представляют проявление стремления к развитию крупных владений на той и другой сторонах. В то время подобные споры возникли также между владениями внутри отдельных земель; в пограничной области — сравнительно редконаселенной — принимают эти столкновения особенно широкие масштабы. Напряженность моравско-словенских споров растет прежде всего во 2 половине 16 в., когда постепенно увеличивается колонизационное движение. Споры урегулировались до некоторой степени до Белогорской битвы только в отношениях между областью Тешин и северо-западной Словакией, между тем как решение споров между восточной Моравией и противоположными словенскими владениями не достигло до 1620 г. никаких более положительных результатов. Однако эти недоразумения не являются доказательством принципиального противоречия между чешскими землями и Словакией. Они, вероятнее, являются проявлением определенно соперничества в развитии новых форм хозяйства.

2. Ремесло и торговля.

На основании изучения новых материалов (прежде всего переписки и так наз. «тридцатковых» списков) надо в свете новых источников внести существенную поправку во взгляды в существующей до сих пор литературе, по которым отношения между чешскими землями и Словакией в области ремесла и торговли не имели до Белогорской битвы никакого значения. В источниках мы находим различные документы о влиянии моравского ремесла на словенское и наоборот (звонимое усвоение цехового устройства, переселение ремесленников и т. п.). Очень много можно сегодня сказать прежде всего о чешско-словенских отношениях в области торговли. Торговлю между чешскими землями и Словакией надо рассматривать как настоящую внешнюю

торговлю, так как обе стороны, несмотря на личную унию Венгрии и чешского государства, сохранили полное самоуправление и самостоятельность (и во внешней политике).

В период до Белогорской биты товарообмен между чешскими землями (главным образом между Моравией и областью Тешин) и Словакией достиг значительно высокой степени. Одним из факторов, способствовавших этому товарообмену, была турецкая экспансия в среднюю Европу, которая укрепила значение словенских городов. С другой стороны чешско-словенская торговля преодолевала в то время разные препятствия, напр. транспортные затруднения, чрезмерное использование кредита и вытекающую из этого чрезмерную задолженность, неодинаковость мер и весов, пограничные споры, учреждение так наз. «тридцатников» (это были сборщики плат, которые они взимали с переправляемого через границу товара; плата составляла одну тридцатую стоимости товара) и др.

Путем анализа так наз. «тридцатковых» списков, в которые записывали товар, транспортируемый через границу Словакии в Моравию и Силезию, а также путем анализа современной переписки мы приходим к заключению, что чешские земли вывозили в Словакию товар большей стоимостью, чем Словакия в чешские земли. Из чешских земель (в частности из Моравии и из области Тешин) вывозили в Словакию в первую очередь ремесленные продукты (сукна, выделанные кожи, шляпы, железные орудия), тогда как из Словакии ввозили в чешские земли сельскохозяйственные продукты и сырье (круглый рогатый скот, лошадей, невыделанные кожи и т. п.). Отсюда следует, что в изучаемый период ремесло в чешских землях стояло на более высоком уровне, чем в Словакии. — Что касается участия отдельных частей общества в товарообмене, то главное участие приходилось не на феодальные крупные владения, а скорее на городское население, а именно как на торговцев по профессии, так и на непосредственных производителей. Поэтому торговля чешских земель со Словакией достигла своего максимума во 2 половине 16 в., тогда как в начале 17 в., когда растущая власть феодального класса ослабляет положение городов, мы встречаемся с частичным застоем.

Изучаемые источники доказывают, что преобладающее участие в чешско-словенских торговых сношениях имело чешское и словенское население. Однако нельзя также отрицать участие представителей других национальностей (немцев и евреев). Попутным явлением оживленных торговых сношений чешских земель со Словакией является также значительное переселение городского населения, которое, стремясь находить средства к существованию в ремесле и торговле, переходит границу в обоих направлениях.

Принимая во внимание вышесказанное, надо отказаться от мнений некоторых исследователей, утверждающих, что чешская торговля с окрест-

ными странами (в том числе и со Словакией), была в 16 и в начале 17 вв. незначительной.

3. Оборона от общей опасности.

Рядом с резко выраженными чешско-словенскими отношениями в области хозяйства в 16 и в начале 17 вв. можно наблюдать и чешско-словенское сотрудничество при обороне от общей опасности. В сущности мы имеем дело с борьбой против турецкой экспансии и с общей обороной сословных сводов от укрепляющегося абсолютизма Габсбургов.

При обороне оставшейся части венгерского государства (Словакии) от турок чешским землям пришлось исполнять важную роль, а именно в ее материальном и финансовом обеспечении.

Эта помощь со стороны чешских земель вытекала из сознания, что оборона Венгрии является одновременно обороной чешских земель. С 40 годов 16 в. чешские земли не представляли только военный запасной склад венгерских войск, но они даже оказывали прямую военную помощь: ряд чешских военных едичий и чешских командиров непосредственно участвовали в военных действиях против турок. Только в начале 17 в. в этом отношении произошел в чешских землях определенный застой, вызванный как критическими развитием в чешских землях, так и восстанием Бочкая в Венгрии.

В то время выдвинулась в чешско-словенских отношениях идея сословной солидарности. Эта идея нашла себе самое высокое применение в чешском сословном восстании в 1618—1620 гг. Участие Венгрии в борьбе чешских сословий против Габсбургов нельзя ни в коем случае сводить к движению Бетлена Габора (как некоторые авторы в существующей до сих пор литературе думали). С начала восстания можно наблюдать стремление восставших сословий обеспечить себя не только нейтралитетом, но прямо поддежной западнорловенских сословий. Меморандумы, посредством которых повстанцы обращали к области реки Ваг, не пользовались, само собой разумеется, полным успехом, так как западнорловенское дворянство раскололось на два противоположных лагера — на католическую партию, симпатизирующую Габсбургам, и на протестантскую партию, симпатии которой к чешскому восстанию ограничались сначала только стремлением к примирению с императором. Положение в западной Словакии обострилось в 1819 г., когда Моравия перешла на сторону восставших: в то время в западной Словакии борется чехофильская партия с габсбургфильской за влияние на некоторые важные пограничные области (Скалиця, Голич). Представители протестантского дворянства Станислав и Эмерих Турза создали в области реки Ваг предпосылки для успешной борьбы Бетлена Габора. Однако возлагаемые на Бетлена Габора надежды не исполнились.

Проявлением совместных действий является также объединение северо-восточной Моравии и области Тешин с северо-западной Словакией против угрожающей со стороны Польши опасности. Очень активную роль в стремлении получить помощь Словакии сыграли также восточноморавские города; грамоты, посредством которых они в конце восстания обращались за помощью к городам в западной Словакии, свидетельствуют о том, что восточноморавские города видели в городах области реки Ваг важного политического деятеля.

Белогорская битва гораздо больше убедила руководящих западнословенских политических деятелей в необходимости совместных действий с Моравней.

4. Заключение.

Предыдущая часть настоящей статьи и последовавшие издания документов возникли на основании обширных исследований не только в архивах Словакии, но и Венгрии и отчасти Польши. Следовательно, по сравнению с существующими до сих пор работами, касающимися этой проблематики, предлагаемая статья имеет более широкую эвристическую основу.

В материале, предлагаемом в виде приложений, можно познакомиться не только со сведениями о чешско-словенских отношениях в рамках вышеизложенных вопросов, но и с рядом дальнейших вопросов. Исследуя архивный материал в приложениях, мы убеждаемся напр. в большом значении чешского языка в Словакии в 16 и в начале 17 вв.; чешский язык в Словакии не считался иностарным языком, а подственным, исполнявшим роль родного языка.

В использованном архивном материале можно еще найти сведения, необходимые для изучения внутреннего положения в чешских землях и в Словакии, и самые разнообразные стороны чешско-словенских отношений, между прочим также дополнения к существующим данным о чешско-словенских взаимоотношениях в области культуры и религии. Из этого вытекает, что уже в половине 16 в. чехи и словаки осознавали свою самобытность, что существовало ясное сознание различия между чешским (или моравским) и словенским населением.

В конце статьи авторы приводят критерии, по которым они собирали материал для издательской части, и самые важные принципы издательской техники (транскрипция).

ПЕРЕВОД: ЙИРЖИ БРОНЕЦ.